

Три часа ночи. На ночном небе застыл тонкий серп месяца.

В зоне ожидания возле допросной уездного участка Тун Хуайцин, плотно закутавшись в джинсовку Чи Е, мелкими кусочками откусывал от горячей лепёшки с яйцом.

Плотная ткань куртки отлично защищала от ветра на улице, но в помещении казалась слишком тяжёлой и некомфортной.

Оперативники, дежурившие по ночам, поголовно смолили как паровозы — даже алоказия в углу не выдержала едкого дыма и совсем завяла. Дверь со скрипом распахнулась, из кабинета с громким смехом вышли несколько человек. Пожилой полицейский покровительственно хлопнул Чи Е по плечу, а потом, словно этого показалось мало, шутливо потянул его за ухо. Чи Е даже не поморщился — напротив, послушно пригнулся.

— Молодец, — старый полицейский наконец отпустил его. — Я ещё тогда говорил, что из тебя выйдет толк!

Чи Е лишь добродушно усмехнулся:

— Да ладно вам, обычный мужик, живу как все.

— В одиночку двоих детей тянуть — экая марокища, каждый день заботы, — подал голос полицейский помоложе, шедший следом. — Впрочем, мне тоже не сладко, вон, ночами дежурю!

Тун Хуайцин откусил ещё кусочек тёплой лепёшки, так и не подняв глаз.

— Слушай, у меня завтра выходной, может, пропустим по стаканчику?

Чи Е махнул рукой:

— Не, надо человека до дома довезти. Да и бессонные ночи уже не так легко даются, здоровье не то.

Старый полицейский понимающе кивнул:

— Дело-то житейское, да и ладно. Зато хоть увиделись, давно ты к нам не заглядывал.

Глубокой ночью в участке стояла тишина. Зона ожидания сохранила облик прошлого века: нижняя половина побелённых стен была выкрашена глянцевой зелёной краской. Тун Хуайцин обвёл помещение взглядом, но кулера с водой так и не нашёл. В этот момент Чи Е окликнул

его — позвал забрать вещи.

Вышло чистое совпадение. Карманник оказался матёрым рецидивистом: вытащил кошелёк, а заметив привязанный к рюкзаку пакет с фруктами, прихватил и его. Обычно такие типы выбрасывают документы в мусорку возле вокзала — своеобразное «неписаное правило». Ведь большинство жертв смиряется с потерей денег, лишь бы вернуть паспорта и карты, восстанавливать которые — та ещё волокита.

Этот же вор, пожёывая на ходу боярышник, скривился от кислого вкуса и мысленно обругал приезжего: «И что за дурак это жрёт?»

Сразу было видно, что парень не местный. Лица толком разглядеть не удалось, зато белоснежная шея и точёная осанка выделяли его из пёстрой вокзальной толпы — стоял словно неземное создание посреди всей этой грязи и суеты.

Потому карманник и не стал выбрасывать кошельки. Подумал, авось удастся перепродать или потребовать выкуп.

Да только стоит ли говорить, что в притоне его уже ждали?

Оперативники сидели в засаде не одну неделю, пока не сцапали всю шайку. Привели в участок, стали досматривать награбленное. Один из молодых сотрудников, разбирающийся в брендовых вещах, ахнул: кошелёк-то стоит не меньше десяти тысяч!

Дело мгновенно приобрело иной оборот.

Вор упёрся рогом: мол, ничего не знаю, нашёл на дороге! Подумал, кто-то фрукты ронял да и выронил бумажник. Полицейские перерыли пакет с фруктами. До боярышника вор не добрался, а вот среди плодов инжира обнаружилась визитка.

И чья бы вы думали? Чи Е.

А Чи Е в участке знали все.

Владелец автомастерской уезда Аньчуань: высокий, рукастый, за любое дело берётся. Помотало его в своё время по жизни немало, зато теперь встал на ноги, открыл небольшой цех да ещё и глухонемым с трудоустройством помогает.

Начальник участка лично набрал его номер.

Чи Е как раз мыл кеды во дворе, когда раздался звонок. Выслушав новости, он замкнул ворота, оседлал мотоцикл и рванул в участок. Приехал — и ушам своим не поверил. Днём он лично

проводил человека, своими глазами видел, как тот вошёл в кассовый зал вокзала. Как, спрашивается, у него успели спереть вещи?!

И где теперь сам Тун Хуайцин?

Дежурный, зная, что Чи Е знаком с потерпевшим, просто отдал документы и задерживать не стал.

Чи Е даже воды в участке выпить не успел — кинулся на поиски.

Страх прошлого опыта камнем давил на грудь, так что первым делом он помчался к реке.

Проехал вдоль берега дважды — никого. Лишь старик гнал уток, оставляя на изумрудной глади длинную рябь.

Ночь вступала в свои права. Поразмыслив, Чи Е повернул к вокзалу.

В начале сентября ночи выдались прохладными. Привокзальная площадь утопала в темноте — ни души. Но в зале ожидания всё ещё горел свет. Запоздалые путники спали вполглаза прямо на жестких скамьях. Чи Е, тяжело дыша, вошёл внутрь. За счёт своего высокого роста он сразу разглядел одинокую фигуру в углу.

Тот сидел, опустив голову и прикрыв глаза. Клонило в сон так, что носом клевал, но спину держал ровно, как струну.

В Чи Е мгновенно вскипела злость.

Это Аньчуань, его родной уезд! Он сам привёз его сюда, сам проводил на вокзал. Чёрт возьми, если украли бумажник, почему не вернуться, почему не найти его?! Зачем сидеть здесь в одиночестве?!

Даже не шелохнулся.

Чи Е не стал подходить сразу — закурил, пытаясь понять, что вообще у этого парня в голове.

Да, Тун Хуайцин. Так называли его полицейские по телефону.

Упёртый, словно осёл.

Не докурив сигарету, Чи Е подошёл и дёрнул его за руку, заставляя подняться. Тот устоять не смог и снова свалился на скамью. Не раздумывая, Чи Е отвесил ему шлепок по бедру.

— Терпи, — с высоты своего роста буркнул Чи Е. — Вставай давай.

Тун Хуайцин лишь приоткрыл длинные ресницы и тихо пробормотал, что ноги отнялись и ступни болят.

Чи Е, всё ещё кипя от обиды, хмыкнул:

— Может, на закорках понесу?

Только тогда Тун Хуайцин умолк. Он медленно поднялся и поплёлся следом, не спрашивая, куда его везут и зачем Чи Е вернулся. Забравшись на заднее сиденье мотоцикла, он от усталости прислонился лбом к спине водителя.

Чи Е повёл плечом, слегка отпихивая его назад. Тун Хуайцин решил, что тот не хочет лишней нежности, опустил голову и потянулся к поручню сзади. Но не успел он коснуться холодного металла, как на голову ему накинули что-то мягкое и хранящее чужое тепло.

Оказалось, Чи Е просто хотел, чтобы он оделся.

Сегодня Тун Хуайцин был необычайно тих.

Даже у дверей участка он не обронил ни слова.

Заглушив мотор, Чи Е оглянулся на него:

— Проголодался?

Тун Хуайцин кивнул.

— Ладно, терпи, — Чи Е снова перемахнул через сиденье. — Садись.

Петляя по узким переулкам, они выехали к какой-то светящейся уличной лавке. В отличие от крупных городов с их бурлящей ночной жизнью, здесь люди ложились спать рано. Даже заядлые полуночники из интернет-кафе перебивались лапшой быстрого приготовления. Кто бы мог подумать, что в этой глуши найдётся такое место!

Тун Хуайцину снова стало стыдно.

Он никогда в жизни не ездил на мотоцикле без шлема и уж тем более не пробовал уличных лепёшек.

Закусочная оказалась без вывески, прямо на первом этаже жилого дома. Из открытого окна лился желтоватый свет тусклой лампочки, вокруг которой вились мотыльки. Повар орудовал на раскалённом, чистом листе железа: шипело масло, обжаривались сочные ростки маша, нашинкованная капуста, тончайшая соломка моркови и ломтики ветчины. В ход шли щепотка глутамата, капля кунжутного масла и щепотка чёрного перца. Затем мастер ловко пробивал румяную корочку лепёшки, вливал туда взбитое яйцо — края сразу схватывались золотистой хрустящей корочкой. Внутри заворачивали начинку и подавали. Когда Хуайцин взял её в руки, то даже ахнул: какая тяжёлая!

— Это... и есть лепёшка с яйцом? — с сомнением переспросил он.

Хотя он никогда её не пробовал, но видел со стороны: с ингредиентами явно переборщили, на классику не похоже.

Чи Е надел на него шлем и застегнул ремешок:

— На ходу не ешь, животом смаешься.

А крутанув ручку газа, бросил через плечо:

— Какая разница, классика не классика! Главное — вкусно!

И ведь правда оказалось вкусно.

Вот только Тун Хуайцин, как ни старался, сумел одолеть едва ли треть.

Живот уже был полон.

Держа в руках недоеденную лепёшку, он поднялся. Формальности с протоколом были улажены, дежурный за столом молча указал ручкой на пустое место внизу листа.

Тун Хуайцин взял ручку и поставил подпись.

В этот момент подошёл тот самый молодой полицейский с термосом в руках. Ему ужасно хотелось разглядеть потерпевшего. Подняв глаза, он увидел, как Чи Е прощается и собирается уводить гостя.

— Эй, — молодой отставил термос, — подождите! Куда спешите?

Силуэт показался ему знакомым. Он подошёл к столу и взглянул на подпись. Глаза его расширились.

— Тун Хуайцин!

Следователь, заполнявший бумаги, аж вздрогнул. Ночью в участке стояла тишина, и этот выкрик отозвался звоном в ушах.

Хрупкая фигура у двери на мгновение замерла.

— Вы тот самый Тун Хуайцин?! — Молодой полицейский бросил термос и кинулся следом. — Пианист! Вас по телевизору показывали!

Кошелёк и документы вернулись к хозяину. Не было только сладкого инжира и кислого боярышника. Лишь визитка, случайно затесавшаяся среди фруктов, стала ключом к его спасению.

Тун Хуайцин опустил голову и промолчал.

Чи Е никак не отреагировал, лишь скользнул равнодушным взглядом по лицу спутника.

Однако шумиха уже привлекла внимание остальных.

— Это что, звезда какая-то?

— Да нет, на концертах играл... Забыл, как у него книга называется!

— А, да про него недавно в новостях писали...

Молодой полицейский вовремя прикусил язык, вспомнив разгромную статью. Там на полстраницы расписывали, как на фольклорном фестивале зрители и ведущие мазали друг друга краской, а этот музыкант брезгливо отступал назад, задрал нос. Моральные качества — на нуле, профессионализм — туда же. Короче говоря, ни таланта, ни совести!

Тун Хуайцин неосознанно потёр большим пальцем ладонь, ресницы его дрогнули.

Прежде чем полицейский успел добавить хоть слово, Чи Е шагнул вперёд, сгрёб Тун Хуайцина за плечи и добродушно улыбнулся:

— Время позднее, у меня дома дети одни, проснутся — испугаются. Пойдём мы.

И, не дожидаясь ответа, с мрачным видом повёл его к выходу.

Рывкнул мотор мотоцикла. Ночной ветер леденил до костей.

Чтобы не шуметь в переулке и не будить соседей, мотоцикл оставили под пышной павловнией. Навесной замок замкнулся с громким щелчком. Чи Е повернулся к Тун Хуайцину:

— Ну что, опять на закорки проситься будешь?

Только сейчас до заторможенного разума Тун Хуайцина дошло: Чи Е сегодня по-настоящему злился.

Говорил грубо, всю дорогу ехал с лицом темнее тучи.

Они толкнули калитку, и двор застлал мягкий лунный свет.

В руках у Тун Хуайцина оставался пакет с остывшей лепёшкой.

— Что, не по вкусу пришлась?

Чи Е подошёл к умывальнику во дворе и сполоснул лицо. Капли воды стекали по его кадыку.

Тун Хуайцин опустил голову:

— Не лезет больше.

И тихо добавил:

— Брат...

После всех поисков и беготни, очутившись дома, Чи Е наконец расслабился. Услышав это знакомое, привычное обращение, он на автомате отреагировал:

— А? — и, не думая, забрал из рук Хуайцина ледяную лепёшку, развернул пакет и откусил большой кусок.

Привычка отца-одиночки — доедать за детьми.

А в следующее мгновение оба замерли.

Тун Хуайцин даже перестал моргать, уставившись на Чи Е, у которого надулись щёки. Тот

застыл с набитым ртом: и проглотить неловко, и выплюнуть невозможно.

В тишине двора стрекотали только сверчки.

Не зная, куда девать вспыхнувшее досадой смущение, Чи Е глухо выругался и быстро ушёл к себе.

Тун Хуайцин так и остался стоять посреди двора в полном замешательстве.

Что же делать?

Кажется, тот разозлился ещё сильнее.

<http://bllate.org/book/19966/1985861>